

Вот ярко освещенный свечами зал, где хранятся жизнеизмерители — приземистые песочные часы, — по одному на всякое живое существо; плотными рядами стоя на полках, они гонят мелкий песок из будущего в прошлое. Из-за шипения сыплющихся песчинок зал ревет, как море.

Вот хозяин зала, который прохаживается по нему с задумчивым видом. Его имя — Смерть.

Но не просто какой-то там Смерть. А Смерть, чья сфера деятельности — никакая не сфера, а диск: Плоский мир, что лежит на спинах четырех гигантских слонов, уместившихся на панцире Великого А’Туина — огромной звездной черепахи, и чьи границы обозначены водопадом, бесконечные воды которого изливаются в космос.

Ученые подсчитали, что шанс существования чего-то столь очевидно абсурдного — один на миллион.

Терри Пратчетт

Однако волшебники подсчитали, что шанс «один на миллион» выпадает в девяти случаях из десяти.

Бормоча что-то под капюшоном, Смерть клацает костяными подошвами по выложенному черной и белой плиткой полу, скользя лишенными плоти пальцами по рядам неутомимых песочных часов.

Отыскав, наконец, те, что ему подходят, Смерть осторожно берет их с полки и подносит к ближайшей свече. Исходящий от нее свет, преломляясь, поблескивает на стенках сосуда, и все внимание Смерти сосредотачивается на крохотной точке отраженного сияния.

Под пристальным взглядом мерцающих глазниц Смерти проплывает в глубинах космоса мировая черепаха, чей панцирь покрыт шрамами от комет и метеоритными кратерами. Смерть знает, что однажды умрет даже Великий А'Туин; вот *это* будет непростая работенка.

Но взгляд Смерти устремляется вперед, к синне-зеленому великолепию самого Диска, что неспешно вращается под кружащим вокруг него крошечным солнцем.

Сейчас оно поворачивает в сторону необъятного хребта, известного под именем Овцепикских гор. Овцепики полны глубокими долина-

МОР, УЧЕНИК СМЕРТИ

ми, и внезапными утесами, и такой обильной географией, что сами не знают, как ею распорядиться. Погода в здешних местах своеобразна: затяжные шрапнельные дожди, хлесткие ветры и нескончаемые бури. Иные поговаривают, причина в том, что Овцепики — гнездилище древней, необузданной магии. Впрочем, иные лепят все, что в голову взбредет.

Смерть моргает, настраивая глубину резкости зрения. Вот ему становятся видны луга на поворачивающихся склонах гор.

Вот конкретный склон.

Вот поле.

Вот бегущий мальчик.

Вот Смерть приглядывается.

Вот голосом, подобным звуку падающих на гранит свинцовых плит, он произносит:

— Да.

Несомненно, в почве этих гористых, изломанных краев, прозванных из-за необычного оттенка, присущего здешней флоре, октариновыми лугами, было что-то волшебное. К примеру, это было одно из немногих мест Плоского мира, где росли обратнoлетние подвиды растений.

Обратнолетники растут вспять во времени. Ты сеешь их в этом году, а они вырастают в прошлом.

Родня Мора делала вино из обратнолетнего винограда. Оно обладало очень мощным эффектом и весьма высоко ценилось прорицателями, поскольку, разумеется, помогало видеть будущее. Подвох был в том, что похмелье наступало *предыдущим* утром, так что приходилось изрядно набраться, чтобы его пережить.

Обратнолетники обычно выращивают серьезные крупные мужчины, склонные к интроспекции и тщательной сверке с календарем. Хозяин, который забыл посеять обычные семена, просто остается без урожая, тогда как человек, который забыл посеять то, что уже собрал годом ранее, рискует разрушить всю ткань причинно-следственных связей, не говоря уже о грозящем ему изрядном конфузе.

Изрядным конфузом для семьи Мора служило и то, что серьезности в младшем сыне не было ни капли, а способностей к садоводству он проявлял не больше, чемдохлый краб. Нельзя сказать, что он был ленив, однако трудолюбие его было того неопределенного жизнерадостного оттенка, которого серьезные люди очень быстро приучиваются опасаться.

МОР, УЧЕНИК СМЕРТИ

Было в нем что-то заразное, и возможно, даже губительное. Создавалось впечатление, что Мор, долговязый, рыжеволосый и веснушчатый, лишь отчасти контролирует движения своего тела, будто составленного из сплошных коленок.

В тот конкретный день оно с воплями носилось как очумелое по полю и размахивало руками.

Сидя на каменной изгороди, за Мором понуро наблюдали отец и дядя.

— Одного не могу понять, — говорил отец Мора, Лезек, — почему от него птицы не разлетаются во все стороны. Я бы мигом усвистал, заметив, что на меня такое бежит.

— Ах. Поразительная все-таки штука — человеческое тело. Ты глянь: ноги разбрасывает по всей округе, а несется быстро.

Мор домчался до конца борозды. С его пути, переваливаясь, убрался переевший лесной голубь.

— Но сердце у него на месте, — осторожно сказал Лезек.

— Ага. В отличие от всего остального.

— Дома грязи не разводит. И не обжора, — продолжал Лезек.

— Оно и видно.

Терри Пратчетт

Лезек покосился на брата, неотрывно глядящего в небо.

— Слышал, тебе на ферму рабочие руки требуются, Хэмеш, — сказал он.

— Так я же взял себе помощника, будто не знаешь?

— Надо же, — помрачнел Лезек. — Когда только успел?

— Так вот давеча. — Ложь брата была стремительна, как бросок гремучей змеи. — Документ подписан и печатью скреплен. Извини. Слушай, ничего личного: Мор — славный парнишка, в наше время такие редко встречаются, но, видишь ли...

— Да знаю я, знаю, — отмахнулся Лезек. — Собственной задницы сыскать не умеет.

Они уставились на далекую фигурку. Она грохнулась оземь. К ней вразвалку заковыляли заинтересованные голуби.

— И ведь не сказать, что дурак, — продолжал Хэмеш. — Кем-кем, а дураком его не назовешь.

— Да, мозги у него есть, — согласился Лезек. — Причем, бывает, так призадумается, что без подзатыльника и не достучаться. Это бабка его читать научила. Наверное, из-за этого у него башка и перегрелась.

Мор поднялся на ноги и снова споткнулся, запутавшись в балахоне.

МОР, УЧЕНИК СМЕРТИ

— Тебе бы его в профессию какую определить, — рассудительно сказал Хэмеш. — В жрецы, например. Или в волшебники. Эта братия шибко до книжек охоча.

Они переглянулись. Обоим сразу представилось, что может устроить Мор, если заполучит в свои добронамеренные руки книжку по волшебству.

— Ладно, — поспешно сказал Хэмеш. — Значит, куда-нибудь еще. Наверняка же есть куча ремесел, где он сможет себя применить.

— Беда в том, что он слишком много думает, — посетовал Лезек. — Вот, полюбуйся. Кто станет прикидывать, как пугнуть птиц? Их просто пугают. Нормальные мальчишки, я имею в виду.

Хэмеш задумчиво почесал подбородок.

— Это может быть и не твоей проблемой, — намекнул он.

Лезек не изменился в лице, лишь глаза чуть сощурились.

— Ты это о чем? — спросил он.

— На следующей неделе в Овцекряжье откроется ярмарка по найму. Отдашь его в подмастерья — и пусть новый хозяин ему мозги вправляет. На то законы писаны. Заключаешь договор по всей форме — и дело с концом.

Терри Пратчетт

Лезек наблюдал, как на другом краю поля его сын разглядывает валун.

— Как бы с ним чего не стряслось, — с сомнением проговорил он. — А то мы с матерью его любим. К людям ведь привыкаешь.

— Ему только на пользу пойдет, вот увидишь.

Сделают из него мужика.

— А. Ну да. Сырья-то тут хоть отбавляй, — вздохнул Лезек.

Валун изрядно заинтересовал Мора. На его поверхности сохранились витые ракушки, помнившие первые дни творения, когда Создатель взялся превращать каменные глыбы в живых тварей — кто знает, зачем.

Мора вообще многое интересовало. Например, чего ради зубы у людей растут столь ровными рядами. Эта мысль не давала ему покоя. Или вот, кстати: почему солнце светит днем, а не ночью — ночью свет бы не помешал. Общепринятое объяснение по какой-то причине его не устраивало.

Короче говоря, Мор был из тех людей, которые опаснее мешка гремучих змей. Он ставил

МОР, УЧЕНИК СМЕРТИ

своей целью докопаться до внутренней логики мироздания.

Однако за отсутствием таковой задача эта не обещала простого решения. Творец воплотил в жизнь немало замечательных идей, но сделать мир понятным в его планы не входило.

В трагедиях герои вечно стонут от пристального внимания богов, но в жизни тяжелее всего приходится как раз тем, кого боги не замечают вовсе.

Отец, как обычно, орал на него. Мор кинул камнем в голубя, который так переел, что еле-еле сподобился отползти в сторону, и побрел обратно через поле.

Так и получилось, что в канун Страшдества отец Мора, погрузив на осла скудные пожитки сына, повел своего отпрыска горной тропой в Овцекряжье. Всего города было – четыре стороны мощенной булыжником площади, усеянные лавочками, что оказывали весь спектр услуг сельскому населению.

От портного Мор вышел через пять минут, облаченный в коричневую хламиду неопреде-

Терри Пратчетт

ленного кроя и назначения, не востребованную заказчиком по вполне понятным причинам и взятую на вырост, исходя из предположения, что он вырастет слоном о девятнадцати ногах.

Лезек критически оглядел сына.

— Недурно, — заключил он, — для своих денег.

— У меня все зудит, — пожаловался Мор. —

Кажется, я тут внутри не один.

— Тысячи парней сказали бы спасибо за такой ладный, теплый... — Лезек помедлил и сдался, — костюмчик, юноша.

— Так может, поделимся с ними? — с надеждой спросил Мор.

— Ты должен прилично выглядеть, — сурово оборвал его Лезек. — Чтобы производить впечатление и выделяться среди прочих.

И действительно. Он выделялся. Протискиваясь сквозь запрудившие площадь толпы покупателей, Мор с отцом погрузились каждый в свои мысли. Обычно Мор только радовался вылазкам в город с его космополитичной атмосферой и причудливыми говорами гостей из далеких — миль пять, а то и десять — деревень, но на сей раз его охватило неприятное, тревожное чувство, будто он вспомнил то, чего еще не случилось.

На ярмарке, насколько можно было судить, установился такой порядок: в центре площади

МОР, УЧЕНИК СМЕРТИ

выстроились кривыми шеренгами работяги. У многих на шляпах красовались небольшие символы профессий и ремесел: пастухи цепляли себе флок шерсти, извозчики — моток конского волоса, мастера по ремонту — полоску симпатичной мешковины для обивки стен, и все в таком духе.

Юноши, метившие в подмастерья, сгрудились с пупстороннего края площади.

— Ступай вон туда и жди, когда кто-нибудь подойдет и предложит взять тебя на обучение, — неуверенно промямлил Лезек. — Если ему твой вид понравится.

— Это как? — поинтересовался Мор.

— Ну... — начал Лезек и осекся. На этот счет Хэмеш никаких разъяснений не давал. Пришлось обратиться к собственным скудным познаниям в торговле, которые ограничивались продажей скота. — Наверное, он зубы тебе пересчитает, то-се. Убедится, что ты не сопишь, что ноги целы. Я бы на твоём месте не стал говорить, что ты грамотный, — это людей пугает.

— А потом что? — допытывался Мор.

— Потом начнешь осваивать ремесло, — объяснил Лезек.

— Какое именно?

— Ну не знаю... на плотника выучишься, — наобум предположил отец, — это дело хоро-

